РАЗГОВОР С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

CONVERSATION WITH AN INTERESTING PERSON

«В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СТРАНЕ ЗАПУЩЕН ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ. ОН, В ТОМ ЧИСЛЕ, ПРИЗВАН РАСШИРИТЬ КРУГ ОТНОШЕНИЙ, РЕГУЛИРУЕМЫХ С КОНСТИТУЦИОННОГО УРОВНЯ»

УДК: 342.565.2
ББК: 67.400.12д
ГРНТИ: 10.15.00
Код ВАК: 12.00.02

И.В. Выдрин
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

А.Н. Кокотов
Конституционный Суд Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Игорь Вячеславович Выдрин, доктор юридических наук, профессор, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, igor.vydrin@ui.ranepa.ru

Александр Николаевич Кокотов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, судья Конституционного Суда Российской Федерации,
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская пл., 1, kokotov_an@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Выдрин И.В., Кокотов А.Н. «В настоящее время в стране запущен процесс изменения Конституции России. Он, в том числе, призван расширить круг отношений, регулируемых с конституционного уровня» // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 1 (30). С. 4–13.

© Выдрин И.В., Кокотов А.Н., 2020

Уважаемые друзья!

Журнал «Муниципалитет: экономика и управление» продолжает рубрику «Разговор с интересным собеседником». С удовольствием сообщаем, что на этот раз её гостем является наш земляк – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации Александр Николаевич Кокотов.

Официальная справка: *А.Н. Кокотов родился 15 января 1961 года. Выпускник Свердловского юридического института (ныне – Уральский государственный юридический университет). Более двадцати лет трудился на ниве юридического образования. Прошел последовательный путь от преподавателя до профессора кафедры конституционного права Уральской государственной юридической академии. В 1995 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме: «Русская нация и российская государственность (конституционно-правовой аспект взаимоотношений)». В 1998 г. избран на должность заведующего этой кафедрой. В марте 2010 г. назначен на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации. Александр Николаевич является автором большого количества учебников, монографий и учебных пособий по конституционному, муниципальному и избирательному праву.*

Уважаемый Александр Николаевич, приветствую Вас. Очень рад и одновременно признателен Вам за согласие на это интервью. Не скрою, для нашего журнала это большая честь. Мой первый вопрос касается деятельности Конституционного Суда. Пожалуйста, проиллюстрируйте его работу в цифрах, чтобы читатели почувствовали размах работы высшего органа конституционного контроля России.

Охотно сделаю это, Игорь Вячеславович. Статистика такова. В 2019 г. в Конституционный Суд России поступило 14 809 обращений. Это обычный показатель в последние годы нашей работы (в среднем в Суд ежегодно поступает примерно 14–15 тыс. обращений). Хотя в отдельные периоды он был заметно выше. Скажем, в 2008 г. в Суд поступило свыше 17 тыс. обращений, но пик пришелся на 2009 г. – более 20 тыс.

Традиционно подавляющее число обращений исходит от граждан и их объединений. Их в 2019 г. поступило 14 788 (более 99 % всех обращений). Остальное приходится на запросы и ходатайства государственных органов – 21 (в том числе судов – 18).

Наибольшее количество ходатайств касалось защиты конституционных прав и свобод граждан – 4 296. Это вопросы охраны трудовых и жилищных прав (соответственно 330 и 503 обращения), права на судебную защиту, обжалование действий (бездействия) и решений, прежде всего органов власти – 1 807, охраны избирательных прав и права на участие в референдуме – 57, социальной защиты – 881. Вопросы организации публичной власти являлись предметом 636 обращений.

По всем запросам Конституционным Судом принято 41 постановление (в том числе 12 – в публичных заседаниях) и 3 640 определений. Это означает, что бóльшая часть поступивших в 2019 г. в Суд обращений не прошла фильтр его Секретариата. Дело в том, что из года в год значительная часть поступающих от граждан обращений явно не подведомственна Конституционному Суду. Главным образом, это заявления и жалобы, в которых содержатся различные просьбы, сообщается о фактах нарушения правовых актов, высказываются предложения, содержатся требования об отмене решений судов.

Вместе с тем должен заверить, что фильтр Секретариата не является чем-то абсолютно непреодолимым. Законодательство допускает, что после того, как Секретариат уведомит заявителя о несоответствии его обращения нормативным требованиям, тот вправе настаивать на принятии Конституционным Судом решения по его обращению.

Вы, наверное, имеете в виду ст. 40 закона о Конституционном Суде?

Да, её самую.

Александр Николаевич, а может быть, Вы назовете, какие-то «громкие» решения Конституционного Суда, вынесенные в прошлом году?

Ну что ж. Коснусь, пожалуй, двух резонансных постановлений, принятых нами в публичных заседаниях. 1 ноября 2019 г. Суд признал неконституционными положения законодательства Республики Коми, содержащие запрет на проведение публичных мероприятий (митингов, шествий и демонстраций) на главной площади административного центра этой Республики – Сыктывкара. Этот запрет действовал также в радиусе 50 метров от зданий, занимаемых государственными учреждениями. Но при этом он не применялся к тем публичным мероприятиям, которые в указанных местах проводились по инициативе органов власти.

Конституционный Суд обязал власти Республики Коми изменить признанные неконституционными нормы. А до внесения таких изменений отказ в проведении манифестаций в названных выше местах должен содержать конкретное обоснование. К примеру, что их проведение вызовет реальную и неустранимую иным образом угрозу правам и свободам граждан, обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности. К тому же этот отказ может быть проверен судом. Конституционный Суд особо отметил, что соответствующие изменения должны быть внесены в законы других субъектов РФ, содержащие положения, аналогичные признанным им неконституционными.

Второй пример. В постановлении от 10 декабря 2019 г. Суд дал оценку конституционности ряда положений Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» и Закона Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения». Мы признали их не соответствующими Конституции России. Но только в той мере, в какой они в силу неопределенности порядка принятия на учет и обеспечения жилыми помещениями при возвращении на прежнее место жительства в Москву детей, родившихся в обозначенных местах, чьи реабилитированные родители утратили жилые помещения в Москве в связи с репрессиями, препятствуют возмещению вреда реабилитированным.

В данном решении Суд ввел временное регулирование. Что это значит? До внесения соответствующих изменений в законодательство, принятие на учет для обеспечения жилыми помещениями этой категории граждан в местностях, где проживали их родители до применения к ним репрессий (в том числе и в Москве), осуществляется без соблюдения условий, установленных жилищным законодательством для иных категорий граждан.

Да, решения действительно значимые. А теперь позвольте пару вопросов, касающихся тонкостей конституционного судопроизводства. Как Вы оцениваете эффективность введенного с 2011 г. института разрешения Конституционным Судом дел без проведения слушаний? Насколько он стал полноценной заменой определениям с «положительным содержанием»? И вообще, насколько перспективна модель письменного судебного процесса в конституционном судопроизводстве?

Введение с 2011 года письменного конституционного судопроизводства (принятие Конституционным Судом итоговых решений в заседаниях без проведения слушаний) стало естественным следствием формирования за более чем двадцатилетний период его деятельности значительного объема правовых позиций, позволяющих на их основе разрешать дела без обращения к устному (публичному) разбирательству.

Конституционный Суд вправе прибегнуть к процедуре письменного производства тогда, когда увидит возможным применить к проверяемому регулированию свои сохраняющие силу правовые позиции, если при этом устное разбирательство не является необходимым для обеспечения прав сторон. В итоге к принятию решений конституционными судьями «в мантиях» (в заседании с проведением публичных слушаний) добавилось принятие ими таких решений «в цивильных костюмах» (в заседаниях без проведения слушаний).

Еще одна причина введения письменного производства – усиление недовольства в профессиональном юридическом сообществе практикой принятия Конституционным Судом отказных определений с положительным содержанием в облегченной процедуре рассмотрения вопроса о возможности принятия обращений заявителей к рассмотрению.

В письменном производстве нет очных прений сторон, выступлений представителей государственных органов, иных участников заседания. Но все же это именно состязательная процедура, в отличие от принятия отказных определений в ходе рассмотрения вопроса о возможности принятия обращений к рассмотрению. В ней состязаются исходящие от сторон доводы, содержащиеся в их жалобах, отзывах, возражениях (состязание документов). В этот заочный спор могут вовлекаться инициативные отзывы и заключения сторонних специалистов, экспертов, так называемых «друзей суда» (amici curiae). После принятия Конституционным Судом дела к рассмотрению в письменном производстве стороны вправе ходатайствовать о его переводе в устное разбирательство. Однако такое ходатайство в настоящее время не является для Суда обязательным, и он вправе его отклонить.

Отмечу, что письменное производство не заменило все же полностью принятие Конституционным Судом определений с положительным содержанием. О возможном наличии в отказном определении положительного содержания свидетельствует, как правило, его заглавие – оно именуется определением по жалобе (запросу), а не определением об отказе в принятии обращения к рассмотрению. Кроме того, отказ в рассмотрении дела в данном случае мотивируется не тем, что обращение не допустимо, а отсутствием необходимости разрешения поставленного заявителем вопроса путем вынесения постановления.

В письменном производстве Конституционный Суд вправе рассматривать все категории дел по вопросам нормоконтроля, за исключением дел о толковании Конституции и о разрешении споров о компетенции. Статистика показывает, что в рамках письменного производства в настоящее время рассматривается значительно больше дел, чем в рамках устного производства. Такая тенденция прослеживается с 2014 г. Так в 2017–2019 гг. в публичных заседаниях было принято 39 решений, а в заседаниях без проведения слушаний – 89.

Вместе с тем, временной регламент рассмотрения Конституционным Судом дел в письменном производстве, призванный обеспечить сторонам полноценную заочную полемику путем обмена документами через Суд, заметно удлиняет названное производство, что зачастую подталкивает Конституционный Суд для ускорения разрешения соответствующего дела к принятию его к рассмотрению в устном, а не в письменном производстве.

Спасибо за исчерпывающий ответ. Теперь многое становится понятным. Совсем недавно Конституционный Суд в одном из своих решений (определение от 27 января 2020 года № 7-О) признал за собой полномочие, «не вторгаясь в компетенцию других судов по разрешению конкретных дел, проверить, была ли оспариваемая заявителем норма применена в соответствии с ее конституционно-правовым смыслом, ранее выявленным Конституционным Судом РФ, в том числе с учетом правовых позиций, выраженных в его постановлении». Такой подход, на мой взгляд, свидетельствует, что Суд ищет новые инструменты в обеспечении более строго выполнения общими и арбитражными судами своих правовых позиций. Или это был исключительный случай по конкретному делу?

Это определение принято Конституционным Судом по жалобе гражданина Котова, настаивавшего на проверке конституционности ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» УК РФ. На ее основании он был привлечен к уголовной ответственности в виде лишения свободы. Ранее Конституционный Суд, признав указанную норму не противоречащей Конституции РФ, дал ее конституционно-правовое истолкование (постановление от 10 февраля 2017 года № 2-П). Оно обязательно для правоприменительных органов, включая суды, и не может ими искажаться (ч. 5 ст. 79 ФКЗ о Конституционном Суде).

В определении по жалобе Котова Конституционный Суд на основе анализа решений по его делу пришел к тому выводу, что суд общей юрисдикции не касался вопроса о том, был ли причиненный или реально угрожающий вред существенным. И второй вопрос. Утратило ли проводимое публичное мероприятие с участием заявителя мирный характер вследствие на-

рушения им порядка его организации либо проведения. Суд признал, что именно наличие какого-либо из указанных обстоятельств и связанная с ними надлежащая оценка доказательств – как это вытекает из статьи 212.1 УК РФ по ее конституционно-правовому смыслу, выявленному в постановлении Конституционного Суда от 10 февраля 2017 года, – являются необходимым условием применения лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного данной статьей.

Является ли приведенный вывод свидетельством того, что Конституционный Суд в данном деле прибег к установлению и исследованию фактических обстоятельств, хотя он вправе решать вопросы права, но не факта? Прежде всего, следует обратить внимание на то, что Суд в своем анализе принял во внимание судебные оценки и выводы, являющиеся фактами особого рода. Это не данные об обстоятельствах места, времени, свойствах и качествах предметов, персон, а юридические квалификации как выводное оценочное знание. Так Конституционный Суд, разбирая обстоятельства дела заявителя, не проверял, утратило ли публичное мероприятие с его участием в силу его действий мирный характер. Однако он увидел, что в судебных решениях отсутствуют выводы на этот счет, хотя это обязательный элемент применения оспоренного законоположения по его конституционно-правовому смыслу.

Далее. Конституционный Суд принял во внимание названные юридические квалификации (их отсутствие) не в целях проверки законности и обоснованности решений судов общей юрисдикции, что очевидно не относится к его полномочиям. На их основе он проверил, руководствовались ли суды конституционно-правовым смыслом примененной ими нормы УК РФ. Ведь Конституционный Суд принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой (ст. 74 Закона о Конституционном Суде).

Вместе с тем, Игорь Вячеславович, я должен с Вами согласиться. Определение, о котором мы говорим, вполне можно рассматривать как «новый инструмент» Конституционного Суда в деле обеспечения им строгого выполнения иными судами его правовых позиций. Во-первых, Конституционный Суд, не вторгаясь в полномочия других судов, все же проанализировал фактические обстоятельства по делу заявителя (пусть и в части юридических оценок и выводов судов) гораздо глубже и предметнее, чем он обычно это делает. Во-вторых, приняв во внимание указанные факты, он предписал проверить, приняты ли судебные решения по делу Котова в соответствии с конституционно-правовым смыслом статьи 212.1 УК РФ. Замечу, что Суд крайне редко требует пересмотра правоприменительных решений по делам заявителей в своих отказных определениях.

Есть еще один волнующий вопрос. Он касается взаимоотношений Конституционного Суда и Европейского Суда по правам человека, имея в виду те постановления ЕСПЧ, которые российский Суд квалифицирует в качестве неисполнимых у нас. Сколько таких постановлений ЕСПЧ уже признано таковыми в России? Есть ли подобная практика во взаимоотношениях Европейского суда с органами конституционного контроля других стран?

Прежде всего, хотел бы обратить внимание на то, что решения Конституционного Суда являются значимым каналом введения в российское право позиций международных судов. Так, Конституционный Суд, опираясь в собственных решениях на позиции ЕСПЧ, тем самым решает задачу имплементации как положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, так и решений ЕСПЧ в российское законодательство. В силу этого правовые позиции нашего Суда позволительно понимать в качестве инструмента, родственного общим мерам по исполнению решений Европейского Суда, если последние не сводить исключительно к мерам исполнения конкретных решений в делах, в которых Россия являлась стороной.

Что касается собственно разрешения Конституционным Судом вопросов о возможности исполнения в России решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, то такое полномочие у него появилось с 15 декабря 2015 года. Этот шаг, встре-

тивший в мире неоднозначную реакцию, направлен на обеспечение верховенства российской Конституции в правовой системе страны, в том числе по отношению к решениям межгосударственных органов по защите прав и свобод человека (ЕСПЧ, Совет по правам человека ООН). При этом речь идет, конечно, не о проверке конституционности тех же решений ЕСПЧ, вынесенных на основе Европейской конвенции, а об оценке возможности их исполнения без нарушения Конституции РФ и о выявлении способов такого исполнения (полного или частичного).

Необходимость этого шага в значительной мере была предопределена переходом ЕСПЧ к расширенному применению мер общего характера, зачастую требующих отмены норм национального законодательства как нарушающих конвенционные права граждан. Используя данную практику, ЕСПЧ, по сути, преобразовал себя в полноценный нормоконтрольный орган, что само по себе является вполне естественным направлением эволюции его полномочий и не противоречит духу Европейской конвенции. Однако это прямо не предусмотрено ее положениями и не было условием ее ратификации со стороны Российской Федерации. Как следствие, появление коллизий в оценке норм российского законодательства между решениями Конституционного Суда РФ и решениями ЕСПЧ притом, что свойством верховенства в правовой системе нашей страны обладает Конституция, а не Европейская конвенция, а обеспечение верховенства Конституции средствами нормоконтроля относится к исключительной компетенции Конституционного Суда России.

Александр Николаевич, извините, что перебиваю. Но это только российская проблема?

Нет. С проблемой соотношения национальных конституций и Европейской конвенции столкнулись не только мы, но и иные страны-участницы этой Конвенции. Среди них Австрия, Германия, Италия. Так Конституционный Суд ФРГ выработал позицию (постановления от 11 октября 1985 г., от 14 октября 2004 г., от 13 июля 2010 г.), исходящую из «ограниченной правовой силы постановлений ЕСПЧ». В частности, при разрешении вопроса об исполнении постановления ЕСПЧ от 26 февраля 2004 г. по делу «Гёргюлю (Görgülü) против Германии» он указал, что во внутреннем правопорядке Европейская конвенция имеет статус федерального закона и наряду с практикой ЕСПЧ служит лишь ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного Закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых им; решения ЕСПЧ не всегда обязательны для исполнения судами ФРГ, но и не должны полностью оставаться без внимания; национальной юстиции следует учитывать эти решения надлежащим образом и осторожно приспосабливать их к внутреннему законодательству.

Что касается нашего Конституционного Суда, то он, даже принимая решение о невозможности исполнения в России решения того же ЕСПЧ, способен выделить в нем то, что приемлемо с конституционной точки зрения и может или должно быть осуществлено уполномоченными органами. Это подтверждает имеющаяся практика. Известно, что в постановлении от 19 апреля 2016 г. по делу о возможности исполнения постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» Конституционный Суд признал невозможным исполнение названного постановления ЕСПЧ. Но лишь в части предоставления избирательных прав лицам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда, поскольку это противоречит ст. 32 Конституции РФ. Но одновременно он указал, что законодатель не лишен возможности, последовательно реализуя принцип гуманизма в уголовном праве, оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

Таким образом, Конституционный Суд показал, как может быть без нарушения Конституции частично претворен в жизнь подход ЕСПЧ к вопросу об избирательных правах осужденных лиц. Позднее Комитет министров ЕС признал, что Россия исполнила указанное

решение ЕСПЧ, исходя из того, что в стране стало применяться новое наказание – принудительные работы как альтернатива лишению свободы. При их назначении гражданин сохраняет право голоса на выборах.

Да, это ценная информация. Российская общественность вряд ли знакома с этим выводом европейцев. Ведь у нас до сих пор считают, что Россия пока ничего не сделала для реализации постановления Конституционного Суда от 19 апреля 2016 г.

Решение вопроса о возможности исполнения в России решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека предусмотрено в трех разных процедурах. Во-первых, это специальная процедура рассмотрения Конституционным Судом в публичном заседании данного вопроса по запросу Министерства юстиции РФ, ответственного за исполнение в России решений межгосударственных органов. В настоящее время Судом рассмотрены два таких обращения. По итогам их рассмотрения приняты уже упомянутое мною постановление по «делу Анчугова и Гладкова» и постановление от 19 января 2017 г. по делу о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. по делу «Нефтяная компания “ЮКОС” против России».

Кстати, в последнем решении Конституционный Суд, не признав императивную обязанность исполнения постановления ЕСПЧ, тем не менее, заявил, что не исключена возможность проявления Россией доброй воли в отношении акционеров компания «ЮКОС», пострадавших от неправомерных действий компании и ее менеджмента. В связи с этим Правительство РФ правомочно инициировать рассмотрение вопроса о выплате соответствующих сумм в предусмотренной процедуре распределения вновь выявленного имущества ликвидированного юридического лица, что может быть осуществлено только после расчетов с кредиторами и принятия мер по выявлению иного имущества (например, сокрытого на зарубежных счетах). Однако такая выплата в любом случае не должна затрагивать доходы и расходы бюджета, а также имущество Российской Федерации.

Во-вторых, это процедура толкования Судом по запросу Президента или Правительства Конституции в целях устранения неопределенности в ее понимании с учетом выявившегося противоречия между международным договором России в истолковании, данном межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, и Конституцией применительно к возможности исполнения решения соответствующего межгосударственного органа. Данная процедура пока вообще не использовалась.

В-третьих, это также еще «спящая» в России процедура рассмотрения Конституционным Судом запроса суда о проверке конституционности закона, подлежащего применению данным судом в конкретном деле, притом что этот закон признан, к примеру, ЕСПЧ, нарушающим конвенционные права граждан. Суд в данном случае обращается в Конституционный Суд с целью подтверждения или опровержения конституционности названного закона. Основы данного механизма сформулированы Конституционным Судом в постановлении от 14 июля 2015 г.

Однако возможное признание Конституционным Судом такого закона конституционным не свидетельствует само по себе о том, что действующее регулирование оптимально, а значит решение Конституционного Суда не обязательно освобождает законодателя от ее изменения в связи с решением ЕСПЧ. Конвенционные права граждан может нарушать не сам закон, а уточняющие его акты или практика его применения. Поэтому Конституционный Суд при подтверждении им конституционности закона должен указывать на причину (нормативную, правоприменительную) выявленного ЕСПЧ нарушения и способы ее устранения. Это в первую очередь необходимо для суда, обратившегося в Конституционный Суд. Но это значимо и для законодателя, поскольку указанная Конституционным Судом причина нарушения конвенционных прав может потребовать совершенствования российского законодательства.

Не могу не задать Вам вопрос как профессору конституционного права. Как Вы оцениваете явление, именуемое в современной науке конституционного права кон-

ституционализацией? Что, по Вашему мнению, оно означает? Это устойчивый научный бренд или в большей степени научная мода? Или же этим термином правильно называть то, чем занимается Конституционный Суд?

Под конституционализацией зачастую понимают определение предмета конституционного регулирования. В настоящее время в стране запущен процесс изменения Конституции России; он, в том числе, призван расширить круг отношений, регулируемых с конституционного уровня. Но Конституция изменяется не только законодателем, но и в процессе ее толкования, прежде всего Конституционным Судом, опирающимся при этом на научные построения. Прибегая к расширительному или ограничительному толкованию Конституции, он меняет ее предмет регулирования. С учетом сказанного, конституционализация оказывается областью конституционной доктрины и практики, нацеленной на поиск и выделение естественных (в идеале) рамок конституционного регулирования.

Еще в одном значении конституционализация заключается в обеспечении в стране режима конституционной законности, в приведении в соответствие с Конституцией законов и иных правовых актов. Конституционализация в этом смысле также охватывает области правотворчества и правоприменения. Так законопроекты выверяются на предмет их соответствия Конституции на всех стадиях законодательного процесса. Главное правоприменительное средство обеспечения конституционной законности – конституционный нормоконтроль. Однако при наличии предварительного конституционно-судебного нормоконтроля законов последний становится частью и законодательного процесса.

Кроме того, под конституционализацией может пониматься процесс закладки в обществе режима конституционализма, конституционного правопорядка в целом. На этом направлении главная цель конституционализации – внесение в общество с помощью конституционных средств начал гармонии и справедливости, надлежащего согласования ключевых запросов разных слоев населения, общества и государства, органичного соединения права и морально-нравственных установок. Эта цель достигается труднее, чем формальное обеспечение конституционной законности.

Внесение в общество начал гармонии и справедливости требует бережного отношения к традиционным, выпестованным веками религиозным, хозяйственным, иным ценностям. Они – точка опоры для человека, коллектива, общества. В них отлит многовековой коллективный опыт, без которого в обществе усиливаются процессы маргинализации, упадка. Однако опора на традиционные ценности не исключает, а предполагает поступательное развитие, модернизацию. Проблема проблем современного общества – согласование традиционализма и модернизации, прежнего опыта и новаций, снятие рассогласованности ценностей разных исторических эпох. Применительно к нашей стране здесь важно обеспечивать духовно-культурную и (по возможности) правовую преемственность разных форм российской государственности, включая Российскую империю, Союз ССР, современную Россию.

Конституционализм как цель конституционализации призван гармонизировать отношения индивидуального и коллективного, избегая уклонов в ту и другую сторону. У русского философа В.С. Соловьева есть размышления о трех силах, управляющих человеческим развитием. Первая стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех ступенях его жизни одному верховному началу, в его исключительном единстве жаждет смешать, слить все многообразие частных форм, подавить самостоятельность лица, свободу личной жизни. Всеобщий эгоизм и анархия, множественность отдельных единиц без всякой внутренней связи – вот крайнее выражение второй силы. Но поскольку человечество не мертвое тело, и история не механическое движение, необходимо присутствие третьей силы, которая насыщает положительным содержанием две первые, освобождает их от исключительности, примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов. Приведенные размышления вполне приложимы к проблеме гармонизации индивидуальных и коллективных интересов. Конституционализм в этом смысле должен воплощать «третью силу».

Александр Николаевич, спасибо за разъяснения. Никто, кажется, не говорил так доходчиво о конституционализции и конституционализме. Следующий мой вопрос личного порядка. Что в настоящее время занимает Вас как ученого? Что Вы сейчас пишите, может быть, готовите к изданию?

У меня, к сожалению, не так много свободного времени, позволяющего активно заниматься собственно научным творчеством. Вместе с тем, должен сказать, что работа судьи Конституционного Суда позволяет быть в самом эпицентре научно-практической деятельности, где тебе проще, чем из иной позиции улавливать пусть подспудные, но фундаментальные течения и еще только нарождающиеся социально-правовые тренды. В этом познавательном пространстве меня привлекают стыки конституционного права и иных отраслей права, роль и назначение общеправовых регуляторов, вопросы конституционного развития страны, в частности, проблемы становления российского местного самоуправления. Кстати, Игорь Вячеславович, эта область является одним из главных научных интересов и для Вас.

Еще одно занимающее меня направление — парламент и парламентаризм, законодательная деятельность и законодательный процесс. Только что под моей редакцией в издательстве «Норма» вышла книга о парламентском праве России.

Я поздравляю Вас с этим событием. Будем надеяться, что книгу ожидает хорошая судьба. Возможно, это несколько необычный для Вас вопрос. Можете сказать, как строится примерный рабочий день судьи Конституционного Суда?

Мне проще сказать о примерном месячном графике работы судей Конституционного Суда. Два раза в месяц на заседаниях мы рассматриваем поступившие в Суд обращения на предмет их возможного принятия или отклонения. Делаем мы это в полном составе судей. В других судах есть практика решения этого вопроса отдельными судебными составами (палатами) или даже отдельными судьями, как, например, в Конституционном Суде Венгрии. Один или два раза в месяц Суд рассматривает принятые к производству дела в публичных заседаниях. Рассмотрение дел на заседаниях в рамках письменного производства идет еженедельно, как правило, по вторникам и четвергам. Оставшееся рабочее, да и нерабочее время судьи связано с индивидуальной подготовкой конституционно-судебных дел к рассмотрению в качестве судьи-докладчика, анализом проектов решений, которые готовят коллеги, подразделения Секретариата Конституционного Суда.

Спасибо большое. Теперь нам больше известно о том, что раньше находилось «за кадром». Александр Николаевич, очень хочется услышать Ваши пожелания студентам Уральского института Президентской академии.

Я искренне желаю студентам вашего института и академии в целом интересной насыщенной жизни в аудиториях и вне их, творческого задора, пытливого взгляда в действительность, какой бы она ни была. Если дороги выбирают нас, то настоящая приносящая удовлетворение профессиональная стезя выбирает тех, кто целеустремленно ее ищет. Пусть ваша учеба в академии станет надежной путеводной звездой, помогающей вашей дороге увидеть вас как профессионала, чтобы дать вам возможность по ней идти. Я желаю также, чтобы в вас неизменно сохранялось ощущение принадлежности к родному вузу.

Прекрасные слова. Наверняка, они затронут молодые души. Благодарю Вас, уважаемый Александр Николаевич, за крайне интересное интервью. Я приглашаю Вас в перспективе обсудить конституционные поправки, в особенности, касающиеся местного самоуправления.

Спасибо, но уже после их принятия.

THE CHANGING PROCESS OF THE RUSSIAN CONSTITUTION IS LAUNCHED IN THE COUNTRY, WHICH IS INTER ALIA TO EXPAND THE RANGE OF RELATIONS REGULATED AT THE CONSTITUTIONAL LEVEL

I.V. Vydrin
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

A.N. Kokotov
Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

AUTHORS' INFORMATION:
Igor V. Vydrin, Dr. Sci. (Law), Professor, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 Marta Str., Ekaterinburg, 620144, Russia, igor.vydrin@ui.ranepa.ru

Alexander N. Kokotov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer, Honorary Worker of Higher Professional Education, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation,
1, Senatskaya Sq., Saint-Petersburg, 190000, Russia, kokotov_an@mail.ru

FOR CITATION: Vydrin I.V., Kokotov A.N. The changing process of the Russian Constitution is launched in the country, which is inter alia to expand the range of relations regulated at the Constitutional level // Municipality: Economics and Management. 2020. № 1 (30). P. 4–13.